

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1. С. 32—38.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 1. P. 32—38.

Научная статья

УДК 821.161.1:82-94:82-1

EDN <https://elibrary.ru/cmvpah>

DOI: 10.46726/И.2026.1.4

И.М. ЗДАНЕВИЧ И Б.Ю. ПОПЛАВСКИЙ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО АВАНГАРДА

Валерия Евгеньевна Симакова

Самарский национальный исследовательский университет им. ак. С.П. Королева,
г. Самара, Россия, simakowa.valeriya@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос культурной идентичности И.М. Зданевича и Б.Ю. Поплавского. Творчество этих писателей первой волны русской эмиграции отличается эклектичностью. И.М. Зданевич и Б.Ю. Поплавский, как представители «младшего» поколения первой волны русской эмиграции, были знакомы с русской литературой и проявляли открытость к новому культурному опыту мирового авангарда. Важно определить степень влияния этого опыта. И.М. Зданевич следил за экспериментами футуристов, сам писал заумные драмы. Однако он критиковал футуризм и предлагал более открытое к культурному опыту всех времен всёчество в качестве альтернативы. В статье анализируется роман И.М. Зданевича «Восхищение» в контексте истории футуризма. Поэтическое творчество Б.Ю. Поплавского рассматривается в свете сюрреализма. Отмечается тематическое сходство сборника «Автоматические стихи» Б.Ю. Поплавского с произведениями сюрреалистов; особое внимание уделяется знаковой для сюрреалистов теме сна. Идейное содержание произведений И.М. Зданевича и Б.Ю. Поплавского анализируется с целью установить, актуально ли причисление авторов к вышеназванным направлениям.

Ключевые слова: И.М. Зданевич, Ильязд, Б.Ю. Поплавский, футуризм, символизм, сюрреализм

Для цитирования: Симакова В.Е. И.М. Зданевич и Б.Ю. Поплавский в контексте мирового авангарда // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1. С. 32—38.

Статья посвящена определению места писателей Б.Ю. Поплавского и И.М. Зданевича (Ильязда) в истории мирового авангарда. Ранее творчество писателей рассматривалось в контексте мировой литературы, но вопрос о легитимности их причисления к конкретным направлениям требует дальнейшего изучения.

Черты сюрреализма в поэзии Б.Ю. Поплавского были замечены еще современниками, вопрос о культурной идентичности Б.Ю. Поплавского поднимался в филологических исследованиях, но остается полемичным. Е.Л. Менегальдо рассматривает влияние на творчество поэта и сюрреализма, и символизма. Творческий метод Б.Ю. Поплавского, сочетающий редактирование текстов и попытки передать озарения, Е.Л. Менегальдо характеризует как логичное развитие метода автоматического письма, изобретенного сюрреалистами [Менегальдо: 21]. Д.В. Токарев находит идейные противоречия в установках Б.Ю. Поплавского и сюрреалистов. Подчеркивая влияние на поэта символистов и находя в дневниковых записях поэта смешение понимания техник «автоматического письма», принципиально не предполагающего редакторской доработки, и «потока сознания»,

построенного на точном подборе средств выражения, исследователь настаивает на невозможности признания Б.Ю. Поплавского поэтом-сюрреалистом [Токарев: 41]. Н.С. Милькович некоторые стихотворения Б.Ю. Поплавского характеризует как «сюрреалистические», однако в целом поэзию Б.Ю. Поплавского рассматривает как сложное эстетическое явление, не сводимое исключительно к сюрреализму, так как в его поэзии нашли отражение черты как предшествующих, так и новаторских направлений [Милькович]. А.И. Чагин характеризует лирический сюжет стихотворений Б.Ю. Поплавского как «сюрреалистическое «действие» [Чагин]. Л. Ливак в статье «Сюрреалистический компромисс Бориса Поплавского» признает, что на раннее творчество поэта значительное влияние оказывали символисты и футуристы, но настаивает на том, что культурная среда (круг чтения и личного общения) подготовили поэта к сюрреалистическим экспериментам и наследованию одной из основных установок сюрреализма — стремлению к психологической достоверности [Ливак].

К изучению творчества И.М. Зданевича применялся метод мотивного анализа [Гейро; Йованович], исследовалось влияние психологической теории начала XX века на заумные драмы И.М. Зданевича [Шукуров], прослеживалась связь драматических произведений И.М. Зданевича с эстетикой балагана, выявлялись особенности автобиографизма писателя [Шевченко]. Однако использование метода исторической поэтики и дискурсивного анализа позволяет рассмотреть его роман «Восхищение» в контексте творчества и «жизнетворчества» автора, идей эпохи, а также в ряду литературных явлений, с которыми творчество Ильязда имеет генетическую либо типологическую общность.

Что объединяет столь непохожие фигуры Б.Ю. Поплавского и И.М. Зданевича? Оба писателя с раннего возраста интересовались литературой и культурой. Сохранились ранние стихотворения Б.Ю. Поплавского, в которых декадентские настроения сочетаются с футуристическими экспериментами: так, например, в них заумным языком описаны телефонные помехи. Смелость же молодого И.М. Зданевича была поразительна: он выступал как теоретик футуризма, вел переписку с Ф.Т. Маринетти и выступал с громкими эпатажными заявлениями.

Когда эти авторы покинули Россию в юном возрасте, то, обосновавшись в Париже, оказались как бы между двух культур: с одной стороны, они общались с русскими эмигрантами, в частности с представителями старшего поколения, придерживавшимися линии «консервации» достижений русской культуры для потомков, а с другой — следили за творчеством современных европейских писателей-новаторов. Оба автора занимались просветительской деятельностью: И.М. Зданевич пытался продолжить деятельность Тифлисского «Университета 41» — читал открытые доклады, посвященные основным тенденциям развития современной литературы и культуры, а Б.Ю. Поплавский писал искусствоведческие статьи, в том числе посвященные анализу новой литературы.

Некоторое время эти писатели входили в одно литературное объединение. С целью консолидации сил европейских и русских авангардистов И.М. Зданевич создал группу «Через», в которую вошли Б.Ю. Поплавский, Б.Б. Божнев, М.В. Талов, В.Я. Парнах. Произведения участников группы стилистически были очень непохожими; сближал их при этом сам подход к искусству. Однако уже к середине 1920-х годов группа распалась, а ее участники (кроме Ильязда) примкнули к журналу «Числа», отличавшемуся умеренной направленностью взглядов.

И.М. Зданевич и Б.Ю. Поплавский находились в постоянном творческом поиске. Безусловно, эстетические установки этих авторов различались, но есть у них и общая черта — их творчество эклектично.

Зачастую этих авторов причисляют к представителям конкретных авангардных направлений и течений, но детальный анализ их творчества показывает, что пути их развития были оригинальны и неповторимы.

И.М. Зданевич: «всёчество» как критика футуризма

И.М. Зданевич сам подчеркивал эклектичность своего творчества, он теоретизировал эклектичность, разработав специальный термин — «всёчество». «Всёчество» разрабатывалось Ильяздом совместно с художником М.В. Ле-Дантю и было положено в основу их критики футуризма. «Всёчество» создавалось не как очередное художественное течение, а скорее как критерий оценивания художественных явлений. Согласно теории «всёчества», произведения искусства «расцветных времен» обладают общностью, а разные культурные условия их создания отражаются только на их форме. На первый же ценностный план выносятся содержание, и главным в оценке произведений признается умение разглядеть истинное содержание за формой. Основное идейное расхождение с футуристами заключается здесь в том, что «всёчество» предполагает объективную оценку произведения искусства «безотносительно ко времени и пространству», в то время как футуризм отказывается от признания искусства прошлого*.

Эстетические принципы «всёчества» нашли отражение в творчестве самого И.М. Зданевича. Роман «Восхищение» был издан им небольшим тиражом весной 1930 года [Зданевич: 714]. Тематически роман И.М. Зданевича перекликается с романом-манифестом Ф.Т. Маринетти «Мафарка-футурист», изданном во Франции в конце 1909 года [Маринетти: 6]. Роман Ф.Т. Маринетти, вышедший вскоре после публикации автором первого футуристического манифеста, сам является футуристическим манифестом, повествуя о взглядах «идеального» футуриста — сильного, неустрашимого, не обращающего внимания на нормы и приличия и даже безжалостного. Это роман об утверждении философии футуризма, о поэтичности прогресса, даже в самых страшных его проявлениях.

Роман Ильязда «Восхищение», если рассматривать его как метафорическую историю футуризма, представляет собой полную идейную противоположность. Поэтизируется в нем не движение, а то, что находится за вещами — то, что невозможно передать словами, о чем можно только пытаться услышать в песнях кретинов. Поэтизируется заумь.

Фабула «Восхищения» подходит для приключенческого романа: это произведение о разбойнике Лаврентии, который бежит в горы после совершения преступления, там влюбляется в невероятную красавицу и общается с мудрыми зобатыми, но жажда действия и наживы вынуждают его спускаться в город. Но все в этом романе выглядит неестественно: герои будто вырезаны из картона, а за их нарочито стандартными для романов о приключениях взлетами и падениями им самим всегда видится что-то иное, что-то большее.

При прочтении романа как метафорического повествования о литературном движении целесообразно предположить, что у главных героев были конкретные прототипы. Манера поведения Лаврентии напоминает манеры лирических героев В.В. Маяковского — он смело противопоставляет себя обществу (пьет в кабаке, когда все догадываются, что это он убил монаха) и, при своей силе и молодости, испытывает непреодолимую тягу к саморазрушению. «Старость несколько не прельстительна. Хорошо умереть молодым», — говорит молодой

---

*Ле-Дантю М. Доклад о всёчестве. Воспроизводится по машинописному оригиналу из архива Ильязда (Марсель). Готовится к изданию в «Гилее» в составе тома работ М.В. Ле-Дантю (серия “RealHylaea”). URL: http://hylaea.ru/ledentu_publ.html (дата обращения: 20.03.2025).

человек старому зобатому, отвечая на его рассуждения о жизни «умом ума» [Зданевич: 53]. Разбойниками в горах не становились, а рождались, поэтому они были редки, как всегда редки поэты.

Примечательно, что городская культура, которую, как предполагается, футуризм должен воспевать как символ прогресса, губит Лаврентия. Лаврентий чрезвычайно верит в слова и надеется на желтую кофту, ставшую символом «футуризма напоказ»: «Это чудесное слово: *разбойник*. И когда Лаврентий, надев под войлочный плащ желтую шерстяную рубаху, принадлежность нового своего звания...» [Там же: 56]. Отрицание общественных законов не делает Лаврентия свободным, оно делает его заложником отрицания. К концу романа Лаврентий начинает подозревать, что «виною всему слова, и что слова, которые в разбойники вознесли, теперь стерегут и душат» [Там же: 148].

Слова в «Восхищении» ограничивают, заумь же бесконечно расширяет смысловое поле. Воплощением мудрого отношения к жизни в романе является старый зобатый, умеющий ценить песни кретинов и понимающий, почему их считают заступниками деревни. Прототипом зобатого возможно считать В. Хлебникова — представителя «другого» футуризма, заумного. Зобатые практически принимают Лаврентия в семью, старый зобатый поучает разбойника, но тот не хочет и не может учиться.

Ориентированность Лаврентия на разрушение, а старого зобатого на созидание ведет к неизбежному конфликту. В конце романа зобатый обвиняет Лаврентия в царящем вокруг разрушении и погибает в борьбе с ним. Этот сюжетный поворот можно трактовать как «гибель» заумной футуристической поэзии в рамках футуризма как движения.

И.М. Зданевич высказывал критику в адрес романа «Мафарка-футурист», обвиняя произведение в излишней экзотичности [Маринетти: 14]. Несмотря на недовольство Ильязда, невозможно отрицать, что роман Т.Ф. Маринетти и «Восхищение» объединяет двойственность на уровне текста, обращение к описанию жизни представителей своеобразных архаических культур и возможность трактовки сюжетов как метафорических описаний истории футуризма.

В романе «Восхищение» И.М. Зданевич провозглашает ценность заумной футуристической поэзии, на продвижение которой была направлена его творческая и просветительская деятельность. В 1949 году Ильязд издал и поэтическую антологию, куда вошли как тексты французских авторов, так и русских футуристов, набранные латиницей.

Б.Ю. Поплавский: между символизмом и сюрреализмом

В творчестве Б.Ю. Поплавского исследователи находят как следы влияния символизма, так и художественных направлений, с которыми автор познакомился уже после переезда во Францию, застав там формирование этих направлений.

Сюрреалистический эффект в поэтическом сборнике Б.Ю. Поплавского «Автоматические стихи» достигается благодаря работе поэта с пространством.

В поэтическом сборнике «Автоматические стихи» Б.Ю. Поплавский чаще всего изображает надмирное пространство. Например, поэт добивается эффекта дереализации, сравнивая небо с морем: «Птицы-анемоны появлялись в фиолетово-зеленом небе. / Внизу, под облаками, было море, и под ним на страшной / глубине — еще море, еще и еще море, и наконец / подо всем этим — земля, где дымили небоскребы / и на бульварах духовые оркестры тихо и отдаленно играли» [Поплавский: 38].

Также искажение пространства используется для описания философской отстраненности лирических героев: «Говорили двое в комнате над миром / А в окне был виден яркий белый дом / На стенах были окна картин — там были закатные виды / А под полом глубоко сердце билось покрытое льдом» [Там же: 99].

В «Автоматических стихах» Б.Ю. Поплавский изображает пространство сна. Лирический герой находится в состоянии сна, но место его сна необычно — он спит на рельсах, он будто бы готовится к верной смерти, которой, однако, не случается, так как поезд движется в ином измерении:

Неустршимый
 Сплю на рельсах курьерского поезда
 Но в другом измерении
 Поезд пройдет во сне
 Испугавшись цветов
 Опрокинется в реку
 Наполнится рыбами
 Вернется домой
 Невозмутимый
 Помню о прошлом
 Тихо целую
 Грядущие дни [Там же: 63].

Работа с изображением области сна открывает перед поэтом возможности для любых творческих экспериментов. Мы наблюдаем иной уровень искажения пространства: в этом стихотворении изображено два параллельных измерения, переплетенных так, что невозможно установить, которое из них представляется герою реальным. Лирический герой уверен, что поезд не переедет его, а как бы пройдет сквозь него, через его сознание. Снова лирический герой представлен как отсутствующий для мира, его существование на грани несуществования. Чувства лирического героя искажены (он «неустршим», «невозмутим»), будто он является воплощением неверно понятой ницшеанской идеи. Мир сна отличается искаженными цветами и измененной гравитацией, но мир этот представлен не как спокойный, а как явно пугающий. Лирический герой, находящийся на пересечении двух измерений, не взаимодействует с другими людьми, он общается непосредственно со временем («Тихо целую/ Грядущие дни»), и даже абстрактная категория времени одушевляется, становится более близкой, чем отсутствующие «другие».

Для «Автоматических стихов» характерно «оживление пространства». Возможности для этого заложены в языке — в таких выражениях, как «дождь идет», «наступает день» и т. д. Благодаря использованию подобных формул, пространство «оживает»: «Тихо по стенам всходила вода / Карнизы смотрели в океанские дали» [Там же: 40].

Однако зачастую Б.Ю. Поплавский расширяет формулу, описывая прерывистый дождь как «вздыхающий». Природное явление приобретает человеческие черты: «Сорок дней снеговые дожди / Низверглись, вздыхая, над нами» [Там же: 39].

Б.Ю. Поплавский описывает привычные явления природы и обыденные вещи как необычные, все более очеловечивая их. Так у дождя в пятом стихотворении появляются руки («И уже шел дождь / Изнутри вовне, из прошлого в будущее / Унося в своей серой и мягкой руке / Последнюю доблесть моряков» [Там же: 37]), а у еще не наступивших дней в третьем стихотворении и руки, и головы («Сладко спят грядущие дни / Положив огромные головы / На большие красивые руки» [Там же: 35]).

Вероятно, именно те стихотворения, в которых пространство искажено, а предметы и природные явления оживлены, более всего подходят на творчество сюрреалистов:

1) искажения в данных текстах обусловлены тем, что лирический герой спит или прибывает в измененном состоянии сознания, таким образом, подчеркивается взаимопроницаемость реальности и сна;

2) в данных текстах зачастую описан не иной, а обыденный мир, и искажение явлений используется для придания их образам выразительности.

Особое внимание к описанию состояния сна сближает Б.Ю. Поплавского и сюрреалистов и позволяет поэту альтернативным путем приблизиться в своем творчестве к тем же эстетическим установкам, которые проповедовали французские сюрреалисты.

И.М. Зданевич и Б.Ю. Поплавский зачастую причисляются к представителям конкретных авангардных течений на основании типологического сходства их произведений и произведений их западных предшественников. Однако, размышляя о культурной идентичности этих авторов, важно учитывать их эстетические установки. Роман И.М. Зданевича «Восхищение» имеет типологическое сходство с романом-манифестом Ф.Т. Маринетти «Футурист Мафарка». Однако в романе Ильяз дана идейном уровне футуризм не превозносится, а критикуется, в отличие от его итальянского предшественника. Этот роман является манифестом изобретенного И.М. Зданевичем «всёчества». Стихотворения Б.Ю. Поплавского, включенные в поэтический сборник «Автоматические стихи», имеют тематическое сходство с поэзией сюрреалистов. Интерес к описанию измененного пространства позволяет поэту альтернативным путем приблизиться в своем творчестве к эстетическим установкам, близким сюрреалистам. Однако для причисления автора к определенному направлению важно учитывать последовательность применения характерных для направления приемов и эстетических установок. А в случае с Б.Ю. Поплавским этого нам обнаружить не удалось. Эклектичность творчества И.М. Зданевича и Б.Ю. Поплавского делает включение этих авторов в ряды представителей конкретных направлений проблематичным.

Список источников

- Зданевич И.М. Философия футуриста. Романы и заумные драмы / сост. и общ. ред. С. Кудрявцева. М.: Гилея, 2008. 840 с.
 Маринетти Ф. Футурист Мафарка. Африканский роман. М.: Книжный магазин Циолковский, 2016. 260 с.
 Поплавский Б.Ю. Автоматические стихи. М.: Согласие, 1999. 228 с.

Список литературы / References

- Гейро Р. Манифест «Сорок первого градуса» (Париж, 1922) // Терентьевский сборник. М.: Гилея, 1996. 320 с.
 (Gayraud R. Manifesto of the Forty-First Degree (Paris, 1922), *Terentyevsky Collection*, Moscow, 1996, 320 p. — In Russ.)
 Йованович М. «Восхищение» Зданевича-Ильязда и поэтика «41°» // Йованович М. Избранные труды по поэтике русской литературы. Белград, 2004. С. 165—207.
 (Jovanovic M. Zdaniewicz-Ilyazd's "Rapture" and the poetics of "41°", *Jovanovic M. Selected works on the poetics of Russian literature*, Belgrade, 2004, pp. 165—207. — In Russ.)
 Ливак Л. Сюрреалистический компромисс Бориса Поплавского // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. 2002. № 3. С. 89—108.
 Livak L. Boris Poplavsky's surrealist compromise, *Social and humanitarian sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 7: Literary Studies*, 2002, no. 3, pp. 89—108. — In Russ.)
 Менегальдо Е. Поэтическая Вселенная Бориса Поплавского. СПб.: Алетейя, 2007. 268 с.
 (Menegaldo E. The Poetic Universe of Boris Poplavsky, St. Petersburg, 2007, 268 p. — In Russ.)
 Милькович Н.С. Три разговора о Поплавском. Поэтика Бориса Поплавского через призму интертекстуальности. Белград: Издательство филологического факультета в Белграде, 2022. 240 с.

(Milkovich N.S. Three conversations about Poplavsky. Poetics of Boris Poplavski through the prism of intertextuality, Belgrade, 2022, 240 p. — In Russ.)

Токарев Д. «Между Индией и Гегелем»: Творчество Бориса Попплавского в компаративной перспективе. М.: 2011. 352 с.

(Tokarev D. “Between India and Hegel”: The Work of Boris Poplavsky in a Comparative Perspective, Moscow, 2011, 352 p. — In Russ.)

Чагин А.И. Пути и лица. О русской литературе XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2008. 593 с. (Chagin A.I. Ways and faces. About Russian literature of the XX century, Moscow, 2008, 593 p. — In Russ.)

Шевченко Е.С. Эстетика балагана в русской драматургии 1900-х — 1930-х годов. Самара: Самарский научный центр РАН, 2010. 484 с.

(Shevchenko E.S. Balagan aesthetics in Russian dramaturgy of 1900s — 1930s, Samara, 2010, 484 p. — In Russ.)

Шукуров Д.Л. Русский литературный авангард и психоанализ в контексте интеллектуальной культуры Серебряного века. М.: Языки славянской культуры, 2014. 225 с.

(Shukurov D.L. Russian literary avant-garde and psychoanalysis in the context of intellectual culture of the Silver Age, Moscow, 2014, 225 p. — In Russ.)

ILYA ZDANEVICH AND BORIS POPLAVSKY IN THE CONTEXT OF THE WORLD AVANT-GARDE

Valeria E. Simakova

Samara National Research University, Samara, Russian Federation,
simakowa.valeriya@yandex.ru

Abstract. The article examines the issue of cultural identity of Ilya Zdanevich and Boris Poplavsky. Russian Russian emigration's first wave of writers is eclectic. I. Zdanevich and B. Poplavsky, as representatives of the “younger” generation of the first wave of Russian emigration, were familiar with Russian literature and showed openness to the new cultural experience of the world avant-garde. It is important to determine the degree of influence of this experience. I. Zdanevich followed the experiments of futurists, wrote abstruse dramas himself. However, he criticized futurism and suggested a more open to the cultural experience of all times as an alternative. The article analyzes in detail the novel by I. Zdanevich “Admiration” in the context of the history of futurism. B. Poplavsky is often considered to be a representative of surrealism. Thematically, the work of B. Poplavsky and the Surrealists is similar: for example, in the collection “Automatic Poems” special attention is paid to the iconic theme of sleep for surrealists. But did B. Poplavsky and the Surrealists address this topic with the same purpose? The ideological content of the works of I. Zdanevich and B. Poplavsky is analyzed by us in order to determine whether it is relevant to classify the authors in the above-mentioned directions.

Keywords: I.M. Zdanevich, Ilyazd, B.Y. Poplavsky, futurism, symbolism, surrealism

For citation: Simakova V.E. Ilya Zdanevich and Boris Poplavsky in the context of the world avant-garde, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, iss. 1, pp. 32—38.

Статья поступила в редакцию 07.08.2025; одобрена после рецензирования 14.10.2025; принята к публикации 26.10.2025.

The article was submitted 07.08.2025; approved after reviewing 14.10.2025; accepted for publication 26.10.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Симакова Валерия Евгеньевна — аспирант кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет им. ак. С.П. Королева, simakowa.valeriya@yandex.ru, SPIN: 7663-0573

Valeria Evgenievna Simakova — postgraduate student of the Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, Russian Federation, simakowa.valeriya@yandex.ru